
ГЛОБАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТИХИЙНЫХ БЕДСТВИЙ

Кузьмин С. Б.*

В последнее время негативное влияние стихийных бедствий на население и экономику планеты многократно увеличилось, проявляется практически во всех регионах Земли, наносит колоссальный ущерб всем хозяйственным отраслям, приводит к массовой гибели людей. Кроме материальных потерь, в результате стихийных бедствий общество несет значительный моральный ущерб. В результате этих событий происходит разрушение основной жизненной потребности человека в безопасности вследствие крушения стабильной и привычной картины мира. Это неизбежно приводит к сложным отсроченным социальным и психологическим последствиям. На уровне социальных взаимодействий происходит дисбаланс интересов между разными группами населения, резко снижается их уровень и качество жизни, увеличиваются и усиливаются социальные конфликты. Возникают межличностные, межгрупповые, межнациональные, межтерриториальные и иные типы конфликтов, нередко принимающие иррациональный, в том числе криминогенный характер. В зонах крупномасштабных природных катастроф могут возникать также негативные миграционные процессы, что приводит к увеличению удельного веса людей пожилого возраста в половозрастной структуре региона. В области психического здоровья населения стихийные бедствия приводят к таким негативным последствиям, как невротизация, депрессивные состояния, потеря веры в себя, утрата перспективы, что определяет дальнейшую судьбу не только отдельного человека, но и социальных групп. Стихийные бедствия резко меняют среду обитания человека, которая начинает активно воздействовать на его физическое и психическое здоровье. Прямое и опосредованное загрязнение среды обитания формирует не только медико-демографические потери, способствуя увеличению смертности и заболеваемости населения, в том числе трудоспособного, но и экономические потери, такие как недополучение ВВП, высокие затраты на здравоохранение, мониторинг экологической ситуации и др.

Ключевые слова: стихийные бедствия, социальная психология, безопасность и здоровье населения, риск, опасность.

GLOBAL SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF NATURAL DISASTERS

Recently, the negative impact of natural disasters on population and economy of the planet has increased manifold, manifesting itself in practically all regions of the Earth, causing enormous damage to all economic sectors and leading to mas-

* Кузьмин Сергей Борисович – д. г. н., ведущий научный сотрудник Института географии им. В. Б. Сочавы Сибирского отделения Российской академии наук. E-mail: sbkuzminhome@yandex.ru.

Sergey B. Kuzmin – Dr. Geogr., leading researcher of V. B. Sochava Institute of Geography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. E-mail: sbkuzminhome@yandex.ru.

sive loss of life. In addition to material losses as a result of natural disasters, society incurs considerable moral damage. As a result of natural disasters, a person's basic need for safety in life is destroyed due to the collapse of a stable and familiar world view. This inevitably leads to complex, delayed social and psychological consequences. At the level of social interactions an imbalance of interests between different groups of the population occurs, their standard of living and quality of life are sharply reduced, and social conflicts increase and intensify. Interpersonal, inter-group, interethnic, inter-territorial and other types of conflicts emerge, often taking on an irrational and criminogenic nature. In zones of large-scale natural disasters, negative migration processes can also occur, leading to an increase in the proportion of elderly people in the age and sex structure of the region. In the field of mental health, natural disasters lead to such negative consequences as neuroticisation, depression, loss of faith in oneself, loss of perspective, which determines the future fate not only of the individual, but also of social groups. Natural disasters drastically change a person's environment, which begins to actively affect his or her physical and mental health. Direct and indirect pollution of the environment forms not only medical and demographic losses, contributing to increased mortality and morbidity of the population, including those of working age, but also economic losses, such as shortfall in GDP, high healthcare costs, monitoring of the ecological situation, etc.

Keywords: *natural disasters, social psychology, population safety and health, risk, hazard.*

Введение

Социально-психологические аспекты стихийных бедствий приобретают особую актуальность, так как последние вышли сегодня на глобальный уровень [Кузьмин 2021]. Опасные природные процессы – землетрясения, ураганы, волны тепла, цунами, эпидемии и др. – с беспрецедентной угрожающей силой проявляются теперь во всех уголках Земли, наносят огромный материальный и моральный ущерб человеку. Столкнувшись со стихийными бедствиями, люди понимают их в свете своих собственных знаний, убеждений и опыта. Процесс, с помощью которого они осмысливают современные резкие изменения природной среды, можно определить как взаимодействие между их собственной системой координат и восприятием ситуативных требований, присущих этим резким изменениям, вместе с их интерпретацией структурами управления. Такой динамичный процесс осмысления возникших в последние десятилетия новых чрезвычайно опасных вызовов обществу со стороны природы постоянно переопределяет границы нарративов, которые люди используют для придания реального смысла своему прошлому, настоящему и будущему.

Стихийные бедствия являются социальным явлением, укорененным в социальной структуре и отражающим процессы социальных изменений. Все люди на Земле живут в мире опасностей, часть из которых непосредственно представляет угрозу их жизни или здоровью, а другие – опосредованно через ухудшение условий существования. Спектр интересов человека – экономических, геополитических, социальных – постоянно расширяется, ширится и круг природных опасностей. В современной социальной психологии человек рассматривается: 1) как объект воздействия опасных факторов, в том числе природных; 2) как субъект негативных воздействий, способных нанести вред другим людям, организациям, обществу, государству, природе; 3) в смысле состояния его здоровья (лечения заболеваний); 4) как безопасность человека от него самого (курение, алкоголизм, суицид

и т. д.). Восприятие риска и опасности простыми людьми представляет собой в значительной степени интуитивную и аффективную конструкцию, в отличие от более обдуманных оценок вероятности и последствий стихийных бедствий и катастроф, которые составляют основу оценки риска природопользования специалистами. Психологическая готовность к стихийным бедствиям включает два широких умственных измерения в области сознания: 1) когнитивный аспект, направленный на угрозу со стороны природы, включающий знание среды угрозы и адаптивные реакции; 2) эмоциональный аспект, включающий самосознание и эмоциональный самоконтроль.

Социальные аспекты

Любая природная катастрофа влечет за собой целый спектр социальных последствий. Наиболее значимыми из них являются гибель людей, социальная солидарность и управленческие проблемы. Промежуточный интерес вызывают обычно проблемы психологического состояния населения, его мобильности во время катастрофы и после нее. Наименее изучены вопросы социального конфликта и адаптации, а также санитарных потерь. Социальные последствия можно разделить на негативные – гибель людей, санитарные потери и т. д. – и позитивные – активизация процессов социальной адаптации, рост уровня социальной солидарности, совершенствование инструментов кризисного управления обществом [Бондарев, Болховитинова 2019].

В результате стихийных бедствий происходит разрушение основной жизненной потребности человека в безопасности вследствие крушения стабильной и привычной картины мира. Это неизбежно приводит к сложным отсроченным последствиям, таким как невротизация, депрессивные состояния, потеря веры в себя, утрата перспектив, что определяет дальнейшую судьбу не только отдельного человека, но и социальных групп.

Стихийные бедствия резко меняют среду обитания человека, которая начинает активно воздействовать на его физическое и психическое здоровье. Прямое и опосредованное изменение среды обитания формирует не только медико-демографические потери, способствуя увеличению смертности и заболеваемости населения, в том числе трудоспособного, но и экономические потери, такие как недополучение ВВП, высокие затраты на здравоохранение, мониторинг экологической ситуации и др. В мировом масштабе риски здоровью в связи с влиянием окружающей среды составляют до 23 % всех случаев смертей – около 12,6 млн/год и до 22 % заболеваний – 596 млн/год [Дроздова 2019].

Стихийные бедствия причиняют людям страдания. Те, кому удалось уцелеть, зачастую страдают косвенным образом, морально и психологически. Общий объем производства страны всегда падает после крупных бедствий, но иногда повышается после небольших. Они ситуационно снижают объемы производства, но последующие восстановительные работы стимулируют экономическую активность, хотя благосостояние людей, безусловно, падает. Экономический рост – это скорость изменения объемов производства, и даже если эти объемы после падения восстанавливаются лишь до прежнего уровня, темпы роста в течение непродолжительного периода будут выше, чем до бедствия. К тому же не все страдают одинаково, даже в регионах, которым нанесен ущерб. Применительно к стихийным бедствиям изменения объема производства – не идеальный критерий оценки ущерба. Он не отражает ни боль и страдания от личных потерь, увечий или смерти близких, ни тревоги и опасения из-за необходимости сняться с насиженного места и неуверенности в завтрашнем дне.

В результате стихийных бедствий у пострадавшего населения возникают и обратные эффекты. Люди, зная, что они жертвы природного бедствия, что им обязаны помочь, нередко ожидают помощи даже в тех сферах жизни, где катастрофа ни при чем. Ожидание компенсации потерь значительно снижает личную активность человека. Люди зачастую перестают предпринимать какие-либо действия для собственного спасения и выхода из критической ситуации. Когда же оказываемая помощь извне кажется им недостаточной, некоторых одолевает непреходящая обида, а во многих случаях и агрессивное состояние. Такие модели поведения, социальной напряженности в группах жертв стихии возникают как психологическое следствие любого катастрофического события. Поэтому мнение людей не может служить самостоятельной базой для обоснования принятия стратегических решений для защиты от стихийных бедствий по причине значительной дифференциации, иногда даже поляризации общественного мнения. Оно определяется целым рядом различий между социальными группами, формирующими население той или иной страны, и часто оказывает сильное, иногда решающее влияние на позицию властей в отношении опасностей и риска. На характер оценки и отношения к риску влияют демографические факторы (пол, возраст, брачное состояние, наличие детей), образовательный ценз, материальный и должностной статус, социально-политические предпочтения, отношение к вере, опыт личных потерь и др.

Люди осознают опасность и принимают решение о готовности к стихийному бедствию не изолированно. Только через дискурс и коммуникационные процессы на уровне социума человек начинает придавать значение как самим природным опасностям, так и мерам защиты от них. Только тогда, когда природные опасности воспринимаются как имеющие значительно большее значение, чем другие возможные угрозы в текущей жизни, люди начинают мотивированно готовиться к их последствиям [McIvor *et al.* 2009].

Однако на безопасность населения при стихийных бедствиях влияет и другой социальный фактор – криминогенный. Основными формами преступности после стихийного бедствия являются: 1) витальная – как форма адаптации и удовлетворения жизненно важных потребностей в условиях острой нехватки ресурсов – питания, одежды, медикаментов и др.; 2) аффектированная – опосредованная негативным эмоциональным состоянием населения; 3) расторможенная – возникающая под влиянием краха институтов социального контроля, ощущения безнаказанности совершаемых действий; 4) конъюнктурная – как форма оптимального поведения в создавшемся положении, являющаяся средством достижения какой-либо цели; 5) отсроченная – долгосрочные социальные последствия природных катастроф [Жмуров, Тихомиров 2021].

Эксперты и администраторы, принимающие управленческие решения, при оценке опасности и риска опираются на показатели ущерба здоровью населения и материальным ценностям общества. Однако оценка риска непосредственно местным населением более рельефно отражает остроту восприятия и степень допустимости ущерба индивидами, социальными группами и обществом в целом. Она основывается на особенностях индивидуальной и коллективной психологии, социального поведения и адаптации, учитывает историческую, демографическую и иную специфику конкретного индивида или социума. А социум – это сложная саморегулируемая система с непредсказуемым поведением, состоящая из людей с разными характерами, привычками, запросами и амбициями, с их верой и безверием, с их надеждами и разочарованиями. Коммуникативные особенности людей

позволяют, объединяясь в профессиональные союзы, религиозные конфессии или просто в коллективы по интересам, решать весьма сложные социально значимые проблемы.

В современных сообществах во всех районах Земли все больше смешиваются представители разных культур и языков, что необходимо учитывать при планировании мероприятий по защите от стихийных бедствий. Люди из других этнических и языковых групп обычно более уязвимы в случае природной катастрофы из-за ряда проблем, включая языковые барьеры, культурное восприятие, социальную изоляцию, плохую ассимиляцию с местным сообществом, недоверие к властям и т. п. Уровень готовности к стихийным бедствиям существенно различается и в разных домохозяйствах, однако мало кто из ответственных руководителей понимает, что такие характеристики личности, как возраст, этническая принадлежность, языковые навыки и пол, существенно влияют на уровень готовности к стихийным бедствиям.

Обычаи и традиции могут сыграть в этом смысле даже отрицательную роль. Исследования поведения людей в районах с высокой вероятностью возникновения стихийных бедствий показывают, что каким бы ясным ни было понимание закономерностей катастрофических событий в природе, каким бы точным ни был их прогноз, люди в силу обычаев и традиций в большинстве своем не слушают предостережений, игнорируют предупреждения о возможной опасности и не предпринимают никаких мер, которые помогли бы им спастись [Botzen *et al.* 2019; Kelman 2020; McLennan *et al.* 2020 и др.].

Человеку свойственно сопротивляться любым изменениям, пока он чувствует себя комфортно в сложившихся условиях проживания. Люди не желают принимать изменения, которые могут привести к неизвестным или негативным последствиям. Даже под воздействием тревоги они склонны до последнего думать, что с их домом, семьей, с ними лично все будет в порядке. Такая тенденция распространена в большинстве культур по всему миру. Люди предпочитают реагировать на конкретные изменения окружающей природной среды и возникающие в ней опасности здесь и сейчас. Более того, жить в опасных районах всегда дешевле, и это позволяет сэкономить средства на другие нужды (еду, обучение детей), поэтому малоимущим всегда приходится делать нелегкий выбор. Знания, средства и желание руководящих структур в государстве позволяют построить в зонах повышенного риска стихийных бедствий (на склонах гор, в сейсмоопасных и вулканогенных регионах) более безопасные здания. Но когда жилище или имущество не защищены, возможность выселения или разрушения лишает людей стимулов вкладывать средства в безопасные конструкции. Поэтому сколь бы стройными и действенными ни были теории, направленные на предсказание стихийных бедствий и катастроф, они так и останутся втуне, коль скоро не будут поняты людьми и востребованы ими.

Проблема восприятия риска обычными людьми и культура безопасности как инструменты более качественной реализации стратегий снижения риска стихийных бедствий и природных катастроф подробно рассмотрены в [Marshall 2020]. Существенно, что для человека, попавшего в стихийное бедствие, происходит неожиданное, резкое, быстрое, непредсказуемое, тяжелое изменение его привычной социальной среды. Это приводит к деформации социальных норм и традиций, средств личного и общесоциального контроля, которые регулировали действия людей, обеспечивали их личностную и общественную приемлемость. Происходит потеря индивидуального жизненного ресурса, то есть состояния здоровья, накоп-

ленных материальных ценностей, соответствующего опыта и навыков, моральных устоев и т. п. Это требует быстрой адаптации к новым условиям, изменения модели поведения, жизненных установок, резкой мобилизации и перераспределения своих возможностей. На уровне социальных взаимодействий происходит дисбаланс интересов между разными группами населения, резко снижается их уровень и качество жизни, увеличиваются и усиливаются социальные конфликты. Возникают межличностные, межгрупповые, межнациональные, межтерриториальные и иные типы конфликтов, нередко принимающие иррациональный, в том числе криминогенный характер [Зорина 2015]. В зонах крупномасштабных природных катастроф могут возникать также негативные миграционные процессы, что приводит к увеличению в половозрастной структуре региона удельного веса людей пожилого возраста.

Эти последствия обусловлены действием на людей факторов широкого спектра, таких как накопленный опыт, личностные особенности, характер отношения к природе, привязанность к месту [Miyumachi *et al.* 2020].

Накопленный опыт переживания стихийных бедствий сильно влияет на оценку людьми степени вероятности повторения подобных событий, глубину осознания их последствий для обыденной жизни, на характер мероприятий, которые, по их мнению, необходимо осуществлять для борьбы с этими стихийными бедствиями в будущем. Экстремальные происшествия выступают в роли жестко фиксированных событий прошлого опыта. Они изглаживают из памяти более ранние события и являются стандартом, с которым сравниваются все последующие происшествия. Но если экстремальные события случаются редко, острота воспоминаний о них постепенно снижается. Люди, как правило, устойчиво оптимистичны в оценке стихийных бедствий, поскольку человеческой психике присуще запоминать скорее успехи, нежели трудности.

Личностные особенности реакции людей, живущих в зонах стихийных бедствий, достаточно специфичны. Они терпеливо сносят все затруднения, ориентируясь на перспективы спокойной обеспеченной жизни, которые, как они предполагают, должны непременно реализоваться в будущем.

Проблемы, связанные с характером привязанности людей к месту, недооцениваются исследователями. Подверженные губительным силам природы территории, например речные долины или морские побережья, являются наглядными образцами земель постоянной высокой притягательности для людей, главными центрами цивилизации, следы обитания в которых уходят в доисторические времена. Такие земли подвержены постоянной и серьезной угрозе катастрофических наводнений или цунами, однако она меркнет при осознании громадных экономических выгод для жизни населения и понимании колоссальной культурной ценности этих мест. Реки выступали в роли деспотов, которых надо укротить; однажды укрощенные, они становились символами достигнутой победы, как и той нитью, которая связывала членов данного общества воедино. Однако привязанность к территории не является отличительной чертой людей, которые обитают в районах, имеющих мировое значение. Это чувство проявляет себя в качестве мощной силы всегда, когда мы сталкиваемся со стремлением людей вернуться в свои родные места после природной катастрофы с твердым намерением снова жить там [Голд 1990].

Психологические аспекты

Тяжелейшие последствия крупномасштабных стихийных бедствий, которые произошли по всему миру за последние 10–15 лет, привели к осознанию важной

роли психологической работы для профилактики и снижения у людей, переживших такие ситуации, негативных для психического здоровья симптомов. Пострадавшие, получившие психологическую помощь на месте события на ранних этапах, менее подвержены психическим осложнениям [Кочаров и др. 2019]. Даже незначительная угроза безопасности личности создает эмоционально-психологические паттерны напряженности, колоссальная энергия которых тратится на противодействие этой угрозе, на создание условий выживания, которые минимизировали бы ощущение утраты безопасности. Основное здесь заключается не столько в объективных условиях жизнедеятельности, сколько в формировании таких механизмов личностной устойчивости, которые позволили бы сохранять так называемое динамически равновесное состояние, своего рода субъективное ощущение благополучия [Горячев 2015].

Стихийное бедствие, где бы оно ни происходило, характеризуется когнитивным диссонансом, когда человек склонен думать и действовать иначе, чем при спокойном анализе информации об окружающей природной среде. Для этого существует несколько причин: 1. В большинстве районов Земли природные катастрофы случаются довольно редко, они являются событиями, не вписывающимися в повседневную жизнь людей. Нерегулярность восприятия стихийных бедствий ведет к образованию искаженных представлений об окружающей природной среде. Опасность видится как потенциальная и отдаленная, а не как реально существующая и готовая обрушиться в любой момент. 2. Люди имеют дело с проявлением сил, которые человек практически не способен контролировать. 3. В обстановке стихийных бедствий часто необходимо кардинально менять образ жизни, к чему люди обычно не склонны. 4. В момент стихийного бедствия информация об окружающей среде бывает весьма противоречивой, что приводит к недостатку надежных ориентиров. В результате принимаемые решения гораздо менее логичны, чем в спокойной обстановке [Голд 1990]. Все это требует пропаганды и воспитания в массах населения культуры безопасности как основы устойчивости личности, общества и государства.

Психогенное воздействие стихийных бедствий складывается не только из прямой, но и из опосредованной угрозы, связанной с ожиданием ее реализации. Конкретные характеристики катастрофы – интенсивность, внезапность, продолжительность – определяют, разовьется ли у человека непатологическая психологическая реакция или же возникнут психические расстройства, какова будет их глубина и конкретная клиническая картина. Значение имеют и вторичные психотравмирующие факторы, которые появляются после воздействия катастрофы: степень ущерба (полученная травма, гибель близких, материальные потери), непосредственная психическая нагрузка (уровень опасности для жизни, вид умирающих, погибших и изувеченных людей). В состоянии сильной эмоциональной напряженности ухудшаются логичность и критичность мышления, память, иногда наступает общая заторможенность, переходящая в полный ступор мыслительных операций. В процессе адаптации к экстремальным условиям возникает определенная невротическая симптоматика, психологическая усталость, а в последующем – реадaptация. При стихийных бедствиях переутомление, нарушение ритма сна и бодрствования, астенизация способствуют возникновению психотравмирующих состояний. Они приводят к глубоким психическим нарушениям. Выживание человека после катастрофы связано и со способностью регулировать параметры организма, и со способностью опосредованно отражать объективную реальность [Сидоров и др. 2007].

Стихийные бедствия вызывают реакции организма и личности, которые находятся на грани патологических нарушений. В результате формируется особое состояние психики – экстремум-состояние, которое порождает повышенную тревожность и особую эмоциональную напряженность. В условиях стихийных бедствий личность должна действовать нестандартно, с учетом дефицита времени, информации, повышенной напряженности. В психологии это рассматривается в рамках стресса, психологических защит, эмоциональных перегрузок. Они часто сопровождаются ценностными противоречиями. Если в обычной ситуации у личности имеются устойчивые смысложизненные ценности, то при стихийном бедствии их необходимо менять. Часто такая быстрая смена ценностей неподвластна личности, и в результате возникает внутриличностный конфликт. Длительное и частое нахождение в экстремальной ситуации обязательно сопровождается изменениями в структурной организации личности. Происходят усиление и интенсификация свойств, которые способствуют успешному осуществлению деятельности, а также подавление и разрушение структур, не участвующих в этом процессе. Если эти изменения нарушают целостность личности, снижают ее адаптивность и устойчивость, то их следует рассматривать как деформации идентичности [Темчур 2021].

Психологически поведение людей при стихийном бедствии разделяется на две категории: 1) рациональное, адаптивное, обычно с полным контролем состояния своей психики и управлением эмоциями – это путь к быстрой адаптации, сохранению спокойствия и осуществлению мер защиты, взаимопомощи – такое поведение является следствием точного выполнения инструкций и распоряжений; 2) нерациональное, патологическое, при котором отдельные люди своими опасными для окружающих действиями увеличивают число жертв и дезорганизуют общественный порядок. В этом случае может наступить «шоковая заторможенность», когда масса людей становится растерянной и безынициативной. Или наоборот, возникает паника, нередко выливающаяся в беспорядочное бегство, при котором людьми руководит сознание, низведенное до примитивного животного уровня. В большинстве случаев поведение людей в первоначальный (острый) период катастрофы обусловлено интенсивной эмоцией страха, мобилизующей организм на деятельность по спасению жизни.

Как показали многочисленные исследования поведения человека при катастрофах [Пряхин 2006; Петров, Макашев 2008; Гуренкова и др. 2009 и т. д.], не более 15–20 % людей способны сохранять самообладание, правильно оценить обстановку и действовать в соответствии с ситуацией. Большинство в первый момент оказывается ошеломленным и малоактивным, после чего начинается деятельность по спасению и выживанию. Этот период принято называть простой реакцией страха, при которой, после преодоления первоначальной растерянности, движения становятся более четкими, увеличивается мышечная сила, мобилизуются внимание, воля, голос становится громче, ускоряется темп речи. В последующем наблюдается нечеткость воспоминаний об окружающем, а собственные действия помнятся хорошо. Характерным является также изменение субъективного восприятия времени, течение которого как бы замедляется, и длительность острого периода представляется увеличенной в несколько раз.

Пострадавшее население перестает ориентироваться на статусно-ролевые предписания общества и государства, следовать еще недавно общепринятым нормам поведения. Люди становятся неспособными поддерживать свой нормативный жизненный уровень привычным способом, главной для них становится проблема физического выживания, подавляющая все ранее выработанные социальные уста-

новки на исполнение стандартов поведения. Происходит делигитимация, то есть размывание исходных ценностных основ нормативного порядка, обеспечивающих целостность общества. Критический настрой пострадавших в стихийных бедствиях в отношении тех идеалов, представлений, убеждений, которые еще недавно казались им важными и жизненно необходимыми, является существенным признаком делегитимации. Происходит утрата доверия пострадавших людей к государственным органам вследствие неэффективности действий по защите населения. Это резко сужает возможности правового регулирования, является фактором неспособности быстро восстанавливать нарушенное общественное равновесие. Такая ситуация ведет к неопределенности и непредсказуемости последствий. В социальной системе нарушается логика причинно-следственных связей, и любое случайное и на первый взгляд малозначимое событие может вызвать неожиданные последствия. Нарушается процесс развития социальной общности с необходимыми причинно-следственными зависимостями. Облик пострадавших социальных групп может измениться самым неожиданным образом, так как обычные регуляторы воспроизводства институциональных связей не срабатывают в силу разбалансированности внутренних механизмов самовоспроизводства системы [Общая социология 2000].

Сложным психологическим эффектом природной катастрофы является эмоциональная, физическая, социальная депривация – утрата, лишение, ограничение возможностей удовлетворения жизненно важных потребностей в течение длительного времени [Алексеенкова 2009]. В кризисной ситуации у человека возникает особое состояние эмоциональной напряженности, называемое в медицине стрессом. Такие ситуации изменяют течение обычных психических процессов у человека, ослабляют восприятие, внимание, меняют ощущения, притупляют воображение, представление, память, затормаживают мышление и речь [Сиваченко и др. 2019]. Значительное место в остром периоде стихийного бедствия занимает угроза развития паники. Индукторы паники, паникеры, – это люди, обладающие ярко выраженной эмоциональностью, сильным голосом, активными и уверенными действиями, внушающие людям ложную веру в целесообразность этих действий. Становясь лидерами толпы, они создают беспорядок, лишаящий массы людей способности спастись. В свою очередь эпицентром развития состояний паники являются легко внушаемые истерические личности с повышенным эгоизмом и самолюбием. Предупреждение панических реакций требует: 1) предварительного обучения людей действиям при стихийном бедствии; 2) правдивой и полной информации на всех его этапах; 3) специальной подготовки активных лидеров, способных в критический момент возглавить растерявшихся и направить их действия на спасение.

Стихийные бедствия имеют множество психологических последствий, в том числе повышенный риск самоубийств среди жертв. Пол, возраст, психические расстройства, депрессия, посттравматический стресс, потеря членов семьи, низкий экономический статус, слабая социальная поддержка, травмы, смерть близкого человека или семьи являются наиболее важными факторами риска самоубийства после стихийных бедствий. Женщины, подростки, пожилые люди, лица с депрессией и посттравматическим стрессовым расстройством, страдающие от низкой социальной поддержки, одинокие и сироты очень уязвимы и требуют особой психологической поддержки [Jafari *et al.* 2020].

Риск для общества усугубляется тем, что возрожденная метамодернизмом метафизика становится социальной платформой, на которой начинают развиваться

не только современное искусство, наука и политика, но и новые способы информационно-психологического воздействия, обслуживающие интересы экстремистских организаций. Возрождение ценности групповой культуры сопровождается не только повторным открытием метанарративов и общественного смысла внутри себя, но и появлением целого ряда рисков, связанных с попытками экстремистских организаций смешать сакральное и профанное, чтобы на этой основе продвигать свои спекулятивные идеологии. Обозначается проблема новых способов социально опасного информационно-психологического воздействия на население, что требует построения методов противодействия им, исходя из современных культурных особенностей [Гребенюк 2019].

После стихийного бедствия имеет место не только недостаток впечатлений из внешней среды, но и специфическое реагирование организма человека при резко измененных, непривычных условиях существования, что часто приводит к развитию невроза. Одной из наиболее сложных проблем является одиночество. Причем речь идет не только об отсутствии рядом других людей – как известно, одиночество можно испытывать и в группе. Когда человек попадает в экстремальные условия существования после катастрофы, все непосредственные «живые» связи с близкими, а в условиях одиночества – со всеми людьми, прерываются. Такой резкий разрыв и обуславливает эмоциональную напряженность, психологический шок. В этих условиях дефицит общения приводит к различным нарушениям психики [Кочаров и др. 2019].

Расстройства психики при стихийных бедствиях занимают особое место. Они могут возникать одновременно у большого числа людей, внося дезорганизацию в общий ход спасательных и восстановительных работ. Этим определяется необходимость оперативной оценки состояния пострадавших, прогноза выявляемых расстройств, проведения всех возможных мероприятий медицинской защиты. Важно действовать в интересах защиты психического и духовного здоровья человека и общества, законодательно закрепить право государства на защиту своих граждан от психотравмирующих воздействий. Для устранения подавленного состояния людей и последствий действия стресса от стихийного бедствия необходимо: 1) учитывать, что человек, перенесший тяжелую психическую травму, гораздо быстрее восстанавливает свое душевное равновесие, если его привлечь к какой-либо физической работе, и не одного, а в составе группы; 2) формировать психическую устойчивость человека, воспитывать волю и постоянную готовность к катастрофе; 3) подготавливать коллективы предприятий, организаций и учреждений к повышению стойкости, стрессоустойчивости, к психологическим нагрузкам; 4) развивать выносливость, самообладание, неуклонное стремление человека к решению поставленных задач; 5) укреплять взаимовыручку и взаимодействие [Кочаров и др. 2019].

Цивилизационные процессы, научно-технический прогресс, интенсивное развитие информационных систем не гарантируют защиту от природных катастроф, которые несут серьезную угрозу физическому и психическому здоровью человека. Системное представление о характере этих нарушений, а также о различиях в воздействии тех или иных стрессоров, особенно при учете всего многообразия сопутствующих факторов, открывает новые возможности для изучения видов психической травматизации и оценки масштабности негативных последствий для человека. Коллективная и индивидуальная психические травмы обусловлены разными стрессорами и связаны с разными социальными ожиданиями, которые влияют на особенности совладающего поведения. Адекватная оценка психологиче-

ских последствий воздействия стрессоров высокой интенсивности позволяет дать пострадавшему надежду на принятие произошедших с ним изменений, активировать социальную поддержку и самоподдержку для выхода из трудной ситуации [Харламенкова, Никитина 2020].

Заключение

Для успешной борьбы с негативными проявлениями стихийных бедствий необходимо: 1) предвидеть опасность; 2) по возможности избегать ее; 3) при возникновении опасности уметь действовать спокойно и грамотно, с применением необходимых методов и технического оснащения. Это важно, так как главным результатом стихийного бедствия являются медико-санитарные последствия – потери среди населения, нарушение здоровья, в том числе психического, осложненная санитарно-гигиеническая и эпидемиологическая обстановка, дезорганизация системы управления территориального здравоохранения, потери медицинских сил и средств [Онищенко и др. 2014]. Эти негативные последствия значительно более трагичны, чем потери капитальных фондов и хозяйственной инфраструктуры. Жизнь и здоровье людей не имеют цены.

Важно оценить последствия стихийных бедствий с учетом разных аспектов благополучия – здоровья, питания, образования и психического состояния, долгосрочное воздействие бедствий на его различные аспекты, такие как обучение в школе, когнитивные способности и психическое здоровье. Даже непродолжительные бедствия имеют долгосрочные последствия, а некоторым из переживших катастрофу так и не удается восстановиться полностью. Материальный ущерб и хаос снижают объем производства в пострадавшей зоне, а поскольку она поддерживает торговые связи с другими регионами, последние также страдают. Косвенное влияние такого рода встречается достаточно часто, хотя и не всегда носит негативный характер. Те, для кого пострадавший регион является рынком или источником поставок, могут понести убытки, однако поставщикам из других регионов представляется удобный случай увеличить объем производства. Поэтому общий объем производства в государстве может упасть не так сильно, как в пострадавшем регионе.

Несмотря на удовлетворительные знания о надлежащей психосоциальной поддержке людей, сталкивающихся со смертью, потерями и серьезным моральным и физиологическим стрессом в контексте стихийных бедствий, важно понять, чего люди ожидают от правительства и общественных лидеров после катастрофы. Но, как показывает опыт анализа реабилитационных мероприятий после многих стихийных бедствий, эти ожидания часто не совпадают с мерами оказываемой помощи. И это объяснимо.

Оценить размеры ущерба непросто. Нередко они завышаются или занижаются, так как трудно определить стоимость человеческой жизни или ущерб, нанесенный окружающей среде. Точной оценке мешает субъективность, особенно в свете перспектив получения помощи. Стихийные бедствия превращаются в чрезвычайные ситуации тогда, когда вызванные ими события угрожают сложившимся социокультурным нормам, существованию самой социальной структуры, традициям, устоявшимся социальным связям, приводят к социально-психологической напряженности и конфликтам. Причем оценка параметров чрезвычайной ситуации в регионе, сроки ее объявления, определения объема и уровня финансирования спасательных и восстановительных работ и проведения необходимых защитных мероприятий целиком зависят от сложившейся правовой основы в государстве.

стве. А правовая основа связана с внутренней политикой государства, зависит от социально-политических групп, устоявшихся в них норм, формальных и неформальных связей, целевых установок, которые задействованы для решения проблем в области стихийных бедствий.

Литература

- Алексеев Е. Г. Личность в условиях психической депривации. СПб. : Питер, 2009.
- Бондарев В. П., Болховитинова Ю. А. Социальные последствия катастрофических наводнений // Вестник МГУ. Сер. 5. География. 2019. № 5. С. 21–29.
- Голд Дж. Психология и география: Основы поведенческой географии. М. : Прогресс, 1990.
- Горячев И. Н. Динамическое равновесие и его формирование в современном российском обществе // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–2. С. 207–216.
- Гребенюк А. А. Метамодернизм и современные вызовы информационно-психологической безопасности общества // Человек – природа – общество: теория и практика безопасности жизнедеятельности, экологии и валеологии. 2019. № 5. С. 18–22.
- Гуренкова Т. Н., Елисева И. Н., Кузнецова Т. Ю. и др. Психология экстремальных ситуаций. М. : Академия, 2009.
- Дроздова Е. В. Медико-экологические риски в контексте устойчивого развития // Здоровье и окружающая среда. 2019. № 29. С. 168–177.
- Жмуров Д. В., Тихомиров С. Н. Геофизические факторы как детерминанты преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 1. С. 27–35.
- Зорина Т. А. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых в условиях природных бедствий и техногенных катастроф. М. : Изд-во НИИ истории, экономики и права, 2015.
- Кочаров Э. Г., Духин О. Е., Порхун Л. В. Психология катастрофы: специфические аспекты чрезвычайной и экстремальной ситуации, из опыта работы территориального центра медицины катастроф Ставропольского края // Медицина катастроф. 2019. № 4. С. 29–32.
- Кузьмин С. Б. Опасные природные процессы – глобальная угроза современности // Век глобализации. 2021. № 2. С. 17–29. DOI: 10.30884/vglob/2021.02.02.
- Общая социология / под ред. А. Г. Эфендиева. М. : Инфра-М, 2000.
- Онищенко Г. Г., Зайцева Н. В., Май И. В. и др. Анализ риска здоровью в стратегии государственного социально-экономического развития. Пермь : Изд-во ПНИТУ, 2014.
- Петров С. В., Макашев В. А. Опасные ситуации техногенного характера и защита от них. М. : Энас, 2008.
- Пряхин В. Н. Безопасность жизнедеятельности человека в условиях мирного и военного времени. М. : Экзамен, 2006.
- Сиваченко И. Б., Ловягина А. Е., Медведев Д. С. Разработка и апробация модели воздействия стрессогенными факторами для оценки эмоционального напряжения // Медицина экстремальных ситуаций. 2019. № S1. С. 42–52.
- Сидоров П. И., Мосягин И. Г., Марунык С. В. Психология катастроф. Архангельск : Изд. центр СГМУ, 2007.
- Темчур А. С. Сущность и характеристики экстремальной ситуации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 2–3. С. 62–65.
- Харламенкова Н. Е., Никитина Д. А. Стихийные бедствия и угрожающие жизни заболевания: психологические последствия и особенности совладания // Клиническая и специальная психология. 2020. Т. 9. № 2. С. 196–212.

Botzen W. J. W., Kunreuther H., Michel-Kerjan E. Protecting Against Disaster Risks: Why Insurance and Prevention may be Complements // *Journal of Risk and Uncertainty*. 2019. Vol. 59. No. 2. Pp. 151–169.

Jafari H., Heidari M., Heidari S., Sayfour N. Risk Factors for Suicide Behaviors After Natural Disasters // *Malaysian Journal of Medical Sciences*. 2020. Vol. 27. No 3. Pp. 20–33.

Kelman I. *Disaster by Choice: How Our Actions Turn Natural Hazards into Catastrophes*. Oxford : Oxford University Press, 2020.

Marshall T. M. Risk Perception and Safety Culture: Tools for Improving the Implementation of Disaster Risk Reduction Strategies // *International Journal of Disaster Risk Reduction*. 2020. Vol. 47. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ijdr.2020.101557>.

McIvor D., Paton D., Johnston D. Modelling Community Preparation for Natural Hazards: Understanding Hazard Cognitions // *Journal of Pacific Rim Psychology*. 2009. Vol. 3. No. 2. Pp. 39–46.

McLennan J., Marques M. D., Every D. Conceptualizing and Measuring Psychological Preparedness for Disaster // *Natural Hazards*. 2020. Vol. 101. No. 1. Pp. 297–307.

Mirumachi N., Sawas A., Workman N. Unveiling the Security Concerns of Low Carbon Development: Climate Security Analysis of the Undesirable and Unintended Effects of Mitigation and Adaptation // *Climate and Development*. 2020. Vol. 12. No. 2. Pp. 97–109.

References

Alekseenkova E. G. *Lichnost' v usloviyakh psikhicheskoy deprivatsii* [Personality in Conditions of Mental Deprivation]. St. Petersburg : Piter, 2009.

Bondarev V. P., Bolkhovitinova Y. A. Sotsial'nyye posledstviya katastroficheskikh navodneniy [Social Consequences of Catastrophic Floods] // *Vestnik Moskovskogo gos. un-ta. Series 5. Geografiya*. 2019. No. 5. Pp. 21–29.

Gold J. *Psikhologiya i geografiya: Osnovy povedencheskoy geografii* [Psychology and Geography: Foundations of Behavioral Geography]. Moscow : Progress, 1990.

Goryachev I. N. Dinamicheskoye ravnovesiye i yego formirovaniye v sovremennom rossiyskom obshchestve [Dynamic Equilibrium and Its Formation in Modern Russian Society] // *Modern Problems of Science and Education*. 2015. No. 1–2. Pp. 207–216.

Grebenyuk A. A. *Metamodernizm i sovremennyye vyzovy informatsionno-psikhologicheskoy bezopasnosti obshchestva* [Metamodernism and Modern Challenges of Information-Psychological Security of Society] // *Chelovek – priroda – obshchestvo: teoriya i praktika bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti, ekologii i valeologii*. 2019. No. 5. Pp. 18–22.

Gurenkova T. N., Eliseeva I. N., Kuznetsova T. Y. *et al.* *Psikhologiya ekstremal'nykh situatsiy* [Psychology of Extreme Situations]. Moscow : Academiya, 2009.

Drozдова E. V. *Mediko-ekologicheskkiye riski v kontekste ustoychivogo razvitiya* [Medical and Environmental Risks in the Context of Sustainable Development] // *Zdorov'ye i okruzhayushchaya sreda*. 2019. No. 29. Pp. 168–177.

Zhmurov D. V., Tikhomirov S. N. *Geofizicheskiye faktory kak determinanty prestupnosti* [Geophysical Factors as Determinants of Crime] // *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal*. 2021. Vol. 15. No. 1. Pp. 27–35.

Zorina T. A. *Kriminologicheskaya kharakteristika i preduprezhdeniye prestupleniy, sovershayemykh v usloviyakh prirodnykh bedstviy i tekhnogennykh katastrof* [Criminological Characteristics and Prevention of Crimes Committed in Natural Disasters and Man-made Catastrophes]. Moscow : HELRI Publishing, 2015.

Kocharov E. G., Dukhin O. E., Porkhun L. V. *Psikhologiya katastrofy: spetsificheskkiye aspekty chrezvychaynoy i ekstremal'noy situatsii, iz opyta raboty territorial'nogo tsentra*

meditsiny katastrof Stavropol'skogo kraya [Psychology of a Disaster: Specific Aspects of an Emergency and Extreme Situation, From the Experience of the Stavropol Territorial Center for Disaster Medicine] // *Meditsina katastrof*. 2019. No. 4. Pp. 29–32.

Kuzmin S. B. Opasnyye prirodnyye protsessy – global'naya ugroza sovremennosti [Dangerous Natural Processes – A Global Threat of Modernity] // *Vek globalizatsii*. 2021. No. 2. Pp. 17–29.

Obshchaya sotsiologiya [General Sociology] / ed. by A. G. Efendiev. Moscow : Infra-M, 2000.

Onishchenko G. G., Zaitseva N. V., May I. V. *et al.* Analiz riska zdorov'yu v strategii gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya [Health Risk Analysis in the Strategy of Government Socio-Economic Development]. Perm : PNITU Publishing, 2014.

Petrov S. V., Makashev V. A. Opasnyye situatsii tekhnogenogo kharaktera i zashchita ot nikh [Man-made Hazards and Protection from Them]. Moscow : Enas Press, 2008.

Pryakhin V. N. Bezopasnost' zhiznedeyatel'nosti cheloveka v usloviyakh mirnogo i voyennogo vremeni [Safety of Human Life Activities in Peaceful and Military Situations]. Moscow : Examen, 2006.

Sivachenko I. B., Lovyagina A. E., Medvedev D. S. Razrabotka i aprobatsiya modeli vozdeystviya stressogennymi faktorami dlya otsenki emotsional'nogo napryazheniya [Development and Validation of the Model of Exposure to Stressogenic Factors to Assess Emotional Stress] // *Meditsina ekstremal'nykh situatsiy*. 2019. No. S1. Pp. 42–52.

Sidorov P. I., Mosyagin I. G., Marunyak S. V. Psikhologiya katastrof [Psychology of Disasters]. Arkhangelsk : SGMU Publishing Center, 2007.

Temchur A. S. Sushchnost' i kharakteristiki ekstremal'noy situatsii [The Essence and Characteristics of an Extreme Situation] // *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk*. 2021. No. 2–3. Pp. 62–65.

Kharlamenkova N. E., Nikitina D. A. Stikhiynnye bedstviya i ugrozhayushchiye zhizni zabolvaniya: psikhologicheskiye posledstviya i osobennosti sovladaniya [Natural Disasters and Life-Threatening Diseases: Psychological Consequences and Peculiarities of Coping] // *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya*. 2020. Vol. 9. No. 2. Pp. 196–212.

Botzen W. J. W., Kunreuther H., Michel-Kerjan E. Protecting Against Disaster Risks: Why Insurance and Prevention may be Complements // *Journal of Risk and Uncertainty*. 2019. Vol. 59. No. 2. Pp. 151–169.

Jafari H., Heidari M., Heidari S., Sayfour N. Risk Factors for Suicide Behaviors After Natural Disasters // *Malaysian Journal of Medical Sciences*. 2020. Vol. 27. No. 3. Pp. 20–33.

Kelman I. *Disaster by Choice: How Our Actions Turn Natural Hazards into Catastrophes*. Oxford : Oxford University Press, 2020.

Marshall T. M. Risk Perception and Safety Culture: Tools for Improving the Implementation of Disaster Risk Reduction Strategies // *International Journal of Disaster Risk Reduction*. 2020. Vol. 47. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ijdr.2020.101557>.

McIvor D., Paton D., Johnston D. Modelling Community Preparation for Natural Hazards: Understanding Hazard Cognitions // *Journal of Pacific Rim Psychology*. 2009. Vol. 3. No. 2. Pp. 39–46.

McLennan J., Marques M. D., Every D. Conceptualizing and Measuring Psychological Preparedness for Disaster // *Natural Hazards*. 2020. Vol. 101. No. 1. Pp. 297–307.

Mirumachi N., Sawas A., Workman N. Unveiling the Security Concerns of Low Carbon Development: Climate Security Analysis of the Undesirable and Unintended Effects of Mitigation and Adaptation // *Climate and Development*. 2020. Vol. 12. No. 2. Pp. 97–109.